

На правах рукописи

Саитбатталов Искандер Расулевич

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
В.И. ДАЛЯ О БАШКОРТОСТАНЕ
(на материале рассказа «Башкирская русалка»)**

Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Чебоксары – 2013

Работа выполнена на кафедре русской и сопоставительной филологии
ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»

Научный
руководитель –

Фаткуллина Флюза Габдуллиновна,
доктор филологических наук, профессор,
академик РАЕН, заслуженный работник
образования Республики Башкортостан

Официальные
оппоненты:

Мышкина Альбина Фёдоровна,
доктор филологических наук, профессор
кафедры культурологии и межкультурной
коммуникации ФГБОУ ВПО «Чувашский
государственный университет им. И.Н. Ульянова»;

Хайруллина Райса Ханифовна,
доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный
педагогический университет им. М. Акмуллы»,
заслуженный деятель науки Республики
Башкортостан

Ведущая
организация –

ФГБОУ ВПО «Поволжская государственная
социально-гуманитарная академия»

Защита состоится 26 декабря 2013 г. в 13.00 часов на заседании совета Д 212.301.03 по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук, созданного на базе Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, по адресу: 428034, г. Чебоксары, ул. Университетская, д. 38 (учебный корпус № 3), зал Ученого совета, каб. 301.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова.

Автореферат разослан 25 ноября 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Иванова А.М.

Общая характеристика работы

Состояние мировой культуры в настоящее время определяется процессом глобализации – ростом общения между странами и народами, сопровождающимся сближением и взаимным проникновением разных культур, унификацией их ценностей – и политикой мультикультурализма, направленной на сохранение и развитие в отдельно взятых странах и мире в целом языкового и культурного многообразия. Башкортостан с этой точки зрения представляет собой уникальный регион, где более четырёхсот лет постоянно контактируют и взаимодействуют тюркские, славянские и финно-угорские народы, сохраняя при этом этническое своеобразие и приобретая общие черты в культурных представлениях и языке.

Важную роль в становлении и развитии межкультурного диалога в Башкортостане сыграла деятельность исследователей-языковедов, этнографов, фольклористов и историков XIX века, которые впервые познакомили русское и европейское общество с особенностями башкирской культуры и её ключевыми текстами. Особое место среди них принадлежит В.И. Далю – великому русскому лексикографу, писателю, автору «Толкового словаря живого великорусского языка». Он осуществил первый научный обзор башкирского народного устно-поэтического творчества, а в 1843 году опубликовал в переводе на русский язык один из популярнейших памятников башкирского фольклора – эпос «Заятуляк и Хыухылыу» – в составе своего рассказа «Башкирская русалка». Одной из целей данного произведения было знакомство российских читателей не только с бытом и мифами башкирского народа, но и с его языком и мировоззрением, что делает рассказ «Башкирская русалка» интересным объектом для лингвокультурологического анализа.

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, к настоящему моменту лингвокультурологическое описание текстов, представляющих разные стороны многонациональной культуры Башкортостана и башкирской культуры, в частности, не получило широкого развития и распространения. Во-вторых, работы В.И. Даля, созданные в Башкортостане, отражающие «башкирскую» тематику и сыгравшие выдающуюся роль (Рахимкулов 1980, Сагитов 2009, Сулейманов 2012 и др.) в филологическом изучении края и в диалоге между русской и башкирской культурами, к настоящему моменту практически не получили лингвистического освещения ни с точки зрения системно-структурной парадигмы в языкознании, ни с точки зрения антропоцентрической научной парадигмы. В-третьих, исследователи-лингвокультурологи, как правило, оперируют фактами одного языка и одной культуры в их современном состоянии либо ведут сопоставительные

исследования, в которых национальные языки и культуры представляются как некие изолированные структуры (Воробьёв 2008, Телия 1999, Маслова 2001 и др.). Такой подход вступает в противоречие с динамичным состоянием живых языков и культур, а также с фактами их постоянного разнохарактерного взаимодействия, что приводит к необходимости введения в лингвокультурологический оборот текстов исторических (отражающих состояние тех или иных языков и культур в прошлом) и переводных (фиксирующих и воплощающих межкультурное и межъязыковое взаимодействие). В настоящей работе предпринимается попытка осуществить лингвокультурологический анализ с учётом двух названных выше параметров.

Научная новизна данной работы заключается в том, что в ней произведения В.И. Даля о Башкортостане и башкирах впервые исследуются с точки зрения языковедческих и лингвокультурологических параметров, проводится планомерное сопоставительное изучение представленных в них культурно-значимых языковых единиц с позиций кросс-культурной лингвистики и определяется их отношение к оригинальным текстам башкирской культуры.

Объектом исследования в настоящей работе выступают культурные представления башкирского и русского народов, выраженные в их национальных языковых картинах мира.

Предметом настоящего исследования являются представленные в произведении В.И. Даля «Башкирская русалка», посвящённом Башкортостану, культурно маркированные единицы языка (лингвокультурологические концепты, репрезентирующие их лексемы, мифологемы, другие элементы национальной языковой картины мира).

Цель работы заключается в проведении обобщающего исследования культурно-значимых языковых единиц в тексте с тем, чтобы определить его природу как перевода или оригинального речевого произведения. Достижение поставленной цели предусматривает решение следующих **задач**:

- выработка конкретных механизмов лингвокультурологического анализа текстов на разных языках, созданных в отдалённую от нашей историческую эпоху и находящихся в отношениях оригинал – перевод;
- выявление особенностей исследуемого текста, обусловленных его возникновением на стыке и в условиях диалога двух культур;
- выявление конкретных языковых единиц и конструкций, несущих культурно-значимую информацию, характеризующую культуру народов – носителей переводного и оригинального языков,

– выяснение качественного и количественного соотношения обнаруженных культурно-значимых единиц языка и их роли в создании языковой картины мира исследуемого текста.

Теоретической и методологической базой настоящего исследования являются труды теоретиков языка В. фон Гумбольдта, Ф. Боаса, Э. Сепира, Б.Л. Уорфа, А.А. Потебни, лингвистов А. Вежбицкой, Н.Д. Арутюновой, Е.С. Кубряковой, В.Г. Гака, лингвокультурологов В.В. Воробьева, В.Н. Телия, В.А. Масловой и других российских и зарубежных учёных.

В диссертации применяются сопоставительный, сравнительно-исторический, кросс-культурный и статистический методы, проводится интертекстуальный анализ текста и концептуальный анализ культурно-значимых языковых единиц, а также используются методики, выработанные в рамках настоящего исследования.

Эмпирической базой работы стали произведения В.И. Даля о Башкортостане (рассказ «Башкирская русалка», сказки «Жизнь Джингисхана» и «Сказание о Темир-Аксаке», статья «Озеро Ачулы» и др.), статьи из «Толкового словаря живого великорусского языка», других толковых и специальных словарей и энциклопедий, опубликованные варианты башкирского народного эпоса «Заятуляк и Хыухылыу», письменные памятники «Чингизнамэ» и «Кисса-и Тимер Аксак», другие произведения башкирского фольклора, толковые и двуязычные словари башкирского языка.

Положения, выносимые на защиту:

1) Переводные и исторические тексты являются релевантным материалом для лингвокультурологического анализа, поскольку содержат языковые единицы разного уровня, значимые для изучаемых культур;

2) Рассказ В.И. Даля «Башкирская русалка» представляет собой сложный по структуре и содержанию текст, первая часть которого находится в интертекстуальных взаимоотношениях с широким кругом произведений, репрезентирующих разные аспекты культуры и истории Башкортостана XIX века, а вторая – является переводом башкирского народного эпоса «Заятуляк и Хыухылыу»;

3) Выявленные в тексте рассказа «Башкирская русалка» культурно-значимые языковые единицы отражают представления, характерные как для русской, так и для башкирской языковых картин мира;

4) Для рассказа «Башкирская русалка» концепт «пространство» является более значимым, чем концепт «время», причём в тексте содержатся пространственные представления, характерные для башкирской лингвокультуры, а временные характеристики соответствуют национальной языковой картине мира русского народа.

5) Концепты-мифологемы в рассказе «Башкирская русалка» демонстрируют наличие общих черт и представлений в культуре народов разного происхождения, проживающих в схожих природных условиях. Ряд концептов-мифологем, представленных в рассказе «Башкирская русалка», может быть признан универсальным для целого ряда неродственных генетически культур.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что выработанная в её рамках методика может использоваться при исследовании других текстов, возникших в отдалённые исторические эпохи и на стыке культур, представленный на страницах работы фактический материал может быть использован при разработке учебных пособий по лингвокультурологии и кросс-культурной лингвистике, а также в качестве теоретического и практического материала в лекционных и специальных курсах лингвокультурологии, этнолингвистики, кросс-культурной лингвистики на филологических факультетах высших учебных заведений. Некоторые выводы, представленные в данной работе, могут быть также использованы при дальнейших монографических исследованиях языка произведений В.И. Даля, а также памятников башкирского фольклора и старописьменной литературы.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Результаты, полученные в процессе лингвистического анализа, соответствуют формуле специальности 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание по следующим указанным в паспорте определениям: «изучение структурных и функциональных свойств языков независимо от характера генетических отношений между ними»; «развитие теории и методологии науки о переводе, занимающейся научно обоснованным сравнением и сопоставлением генетически родственных и неродственных языков с целью изучения с лингвистических, психолингвистических, функционально-коммуникативных, когнитивных и других позиций одного из сложных видов речезыковой деятельности человека – перевода с одного языка на иной, который рассматривается и исследуется как собственно процесс деятельности переводчика и как результат такой деятельности – устный или письменный перевод».

Структура диссертации: работа состоит из введения, трёх глав, заключения и библиографического списка, включающего 226 названий.

Апробация работы. Основные идеи диссертации, концептуальные положения и результаты исследований докладывались и обсуждались на Всероссийской научно-практической конференции по теме «Национальное образование и культура в полиэтничном пространстве», посвящённая

95-летию Я.К. Занкиева (Тобольск, 6-7 апреля 2012 г.), Республиканской межвузовской научно-практической конференция студентов и аспирантов «Актуальные проблемы филологических наук: история и современность» (Уфа, 25 апреля 2012 г.), Международной научно-практической конференции «VI Кирилло-Мефодиевские чтения» (Уфа, 25 мая 2012 г.), Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современной филологии и журналистики» (Уфа, 26 апреля 2012 г.), а также в рамках Международной лингвистической школы «Коммуникативно-прагматический аспект дискурсивной деятельности» (Уфа, 23-26 апреля 2012 г.).

Основное содержание работы

Во **введении** определены актуальность и научная новизна диссертационного исследования, предмет, объект, цель и задачи работы, её теоретическая значимость и практическая ценность, характеризуются материал и методы исследования, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В главе I «Теоретические и методологические проблемы лингвокультурологического анализа переводного текста» проводится аналитический обзор существующих в языкознании подходов к соотношению и взаимовлиянию языка и культуры, определяющих характер и статус лингвокультурологии как науки, набор её методов и приложимость конкретных методов и методик к анализу текстов, созданных в условиях взаимного влияния двух культур, а также в отдалённые от нас исторические эпохи. Здесь же исследуется возможность анализа переводных и исторических текстов средствами лингвокультурологии, подробно описываются лингвокультурологический аспект переводных текстов, явления билингвизма, языковой интерференции и интеркаляции в русской речи Башкортостана.

Лингвокультурология как особая научная дисциплина сформировалась на рубеже XX и XXI веков в России. Сам термин «лингвокультурология» утвердился в российской науке только к концу прошлого века, в основном, благодаря фундаментальным работам В.В. Воробьёва, В.Н. Телия, Н.И. Толстого, В.А. Масловой, В.И. Тхорика, Е.Е. Юркова, Е.И. Зиновьевой и других учёных. Лингвокультурология сформировалась как отдельная наука на базе философских идей И.Г. Гердера, В. фон Гумбольдта и исследователей-неогумбольдтианцев – Ф. Боаса, Б.Л. Уорфа и Э. Сепира, выдвинувших гипотезу о языковой относительности, а также испытала влияние ряда российских языковедов, в частности, А.А. Потебни. Лингвокультурологические исследования полностью находятся в рамках

антропоцентрической научной парадигмы, господствующей в современном языкознании. Одной из причин возникновения лингвокультурологии как отдельного научного направления явилось стремление создать системное и целостное представление о взаимодействии языка и культуры.

Лингвокультурология в наиболее общем виде определяется как наука, исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке. Исчерпывающим определением этой науки, на наш взгляд, является дефиниция Е.И. Зиновьевой и Е.Е. Юркова: «Лингвокультурология – теоретическая филологическая наука, которая исследует различные способы представления знаний о мире носителей того или иного языка через изучение языковых единиц разных уровней, речевой деятельности, речевого поведения, дискурса, что должно позволить дать такое описание этих объектов, которое во всей полноте раскрывало бы значение анализируемых единиц, его оттенки, коннотации и ассоциации, отражающие сознание носителей языка» (Зиновьева, Юрков 2005).

Междисциплинарный характер лингвокультурологических исследований предопределил определённую «эклектичность» её методов, среди которых в зависимости от конкретных целей и объектов исследования могут быть и когнитивные, и статистические, и психологические методики. Одним из наиболее продуктивных методов, используемых в лингвокультурологии, является когнитивный метод, базирующийся на теориях Дж. Лакоффа, Р. Лангаккера, Е.С. Кубряковой и подразумевающий в качестве основной единицы анализа – концепт, в котором выделяется ядро (словарная дефиниция), периферия (неосновные значения и синонимы), области эмоциональных коннотаций и образных ассоциаций, фразеологические сочетания и поговорки, репрезентирующие данный концепт. В отдельную методику выделяется и лингвокультурологический анализ текстов, из которых вычленяются все явно и неявно представленные культурные смыслы. Особым случаем лингвокультурологического анализа текста является анализ исторического и переводного текста, для которого важны не столько современные лексические данные и культурологические контексты, сколько данные и тексты, отражающие состояние языка и культуры в момент их создания. При лингвокультурологическом анализе переводного текста наибольшую важность приобретает анализ культурно- значимых языковых единиц в языках как оригинального, так и переводного произведения.

Основной единицей такого анализа является лингвокультурный концепт – условная ментальная единица, направленная на комплексную репрезентацию языка, сознания и культуры. Из концептов складывается концептосфера, которая в свою очередь, оказывает влияние на формирование языковой картины мира того или иного этноса. При лингвокультурологическом

анализе внимание исследователя сосредоточено на уникальных, культурно-специфичных аспектах данных явлений.

Одним из базовых свойств любой живой культуры является её изменяемость и приспособляемость к новым реалиям, способность обмениваться элементами с другими культурами. Происходящие при межкультурной коммуникации взаимодействие языковых картин мира, их взаимное наложение и обмен отдельными элементами, таким образом, затронули практически все слои башкирской и русской языковых картин мира. Результаты этого взаимодействия, диалога двух культур наблюдаются практически на всех уровнях обоих языков, затрагивая не только их поверхностные структуры, но и проникая глубже – в область фразеологии, эмоциональных и этических коннотаций и образных ассоциаций. Отложившиеся во взаимодействующих языках заимствованные единицы относятся к их разным подсистемам, функциональным стилям и периодам развития. Столь глубокий и многоплановый обмен элементами языковых картин мира не мог произойти одномоментно, этот процесс начался в далёком прошлом и продолжается на наших глазах. Тем ценнее и информативнее для лингвокультурологического исследования становятся тексты, возникшие на стыке двух языков и культур и являющиеся выражением их взаимодействия, в первую очередь, переводы.

Будучи одной из форм межкультурного взаимодействия (Тхорик, Фанян 2006) и являясь основным видом межъязыкового посредничества, перевод представляет собой частный случай диалога культур. Перевод при этом выполняет культурно-познавательные функции, предоставляя людям одной страны (представителям одной лингвокультурной общности) возможность познакомиться с жизнью, бытом, историей, литературой, научными и другими достижениями других стран и народов (Закирьянов 2012). Перевод художественного текста как реальный результат соприкосновения и «столкновения двух культур, двух национальных языковых картин мира» (Закирьянов 2012) несёт в себе элементы картин мира, создаваемых обоими – исходным и переводным – языками. Его лингвокультурологический анализ способствует выявлению как специфических черт взаимодействующих культур, так и обнаружению динамики их развития и обмена элементами.

В главе 2 **«Произведения В.И. Даля о Башкортостане как объект лингвокультурологического анализа»** рассматриваются исторические и культурологические аспекты жизни и творчества В.И. Даля в 1833-1841 гг. на территории Оренбургской губернии, охватывавшей в то время Башкортостан, анализируется культурный контекст, в котором находились его произведения о башкирах и Башкортостане, впервые в литературе проводится их систематизация. В данной главе подробно рассматриваются структурные и

лингвостилистические особенности рассказа «Башкирская русалка» – самого крупного и своеобразного произведения автора о Башкортостане, с помощью интертекстуального анализа выявляются его диалогические взаимосвязи с произведениями русской литературы о крае, арабографичными письменными памятниками из региона, произведениями башкирского народного устно-поэтического творчества, выявляется характер взаимоотношений между второй частью рассказа «Башкирская русалка» и башкирским эпосом «Заятуляк и Хыухылыу», переводом которой является последняя.

В.И. Даль не был первым русским и – шире – славянским автором, обратившимся в своём литературном творчестве к башкирской тематике, не был он также первым переводчиком и интерпретатором башкирского фольклора на русском языке. Главная заслуга В.И. Даля в становлении и развитии русско-башкирского межкультурного и межъязыкового диалога заключаются в том, что он был одним из первых писателей и исследователей, поставивших литературное творчество этнографической тематики на строгую научно-документальную основу. Кроме того, «этнографические» рассказы и повести В.И. Даля лишены характерных для литературы эпохи романтизма идеализации инонационального образа жизни, использования его в качестве абстрактного фона для действия, противопоставления «человека естественного» и «человека цивилизованного», а также свойственного русской литературе и публицистике XVIII столетия враждебного отношения к мусульманской религии.

Созданные В.И. Далем произведения о Башкортостане и башкирах могут быть разделены на четыре категории: это 1) научные, научно-популярные и энциклопедические статьи: «Замечания о башкирцах», «Нечто о кумызе», «Озеро Ачулы», «Гайнинская башкирская волость», «Гирейская башкирская волость и др.; 2) художественные произведения, в которых присутствуют отдельные упоминания о башкирском народе, Башкортостане: «Скачка в Уральске», «Бикей и Мауляна», «Майна», «Охота на волков» и др.; 3) письма учёного и писателя, адресованные родственникам и разным учёным и содержащие упоминания или описания, связанные с Башкортостаном: сестре П.И. Шейден от 4 июня 1836 года и 27 февраля 1838 года, академику Ф.Ф. Брандту от 12 сентября 1837 года и 23 марта 1838 года, «Письма к друзьям из похода в Хиву» и др; 4) переводы и пересказы произведений башкирского устного и письменного народного творчества: «Башкирская русалка», «Зюгря», «Жизнь Джингисхана», «Повествование о Тимур-Аксаке».

Этот обширный корпус текстов создавался и перерабатывался автором, начиная с 1834 года; их появление было, в первую очередь, обусловлено тем, что В.И. Даль на высоком уровне овладел как письменно-литературным языком тюрки, распространённым в крае, так и живыми разговорными

башкирским, татарским и казахским языками. Важную роль как в овладении этими языками, так и в переводе и комментировании оригинальных тюркских текстов сыграли помощники писателя педагог и языковед М.И. Иванов и религиозный деятель и администратор А. Давлетшин, каждый из которых сыграл самостоятельную роль в истории и культуре Башкортостана.

Наиболее объёмным и совершенным с художественной точки зрения произведением В.И. Даля о башкирах и Башкортостане является рассказ «Башкирская русалка», опубликованный в 1843 году в журнале «Москвитянин». Этот текст по сложности сюжета и композиции далеко выходит за рамки жанра рассказ в его современном определении, примыкая одновременно к повести, физиологическому очерку и научному обзору. Композиционно произведение распадается на две приблизительно равные части, одна из которых представляет собой авторский экскурс в историю и культуру башкирского народа, а другая – излагает сюжет башкирского народного эпоса «Заятуляк и Хыухылыу».

Сложная структура данного произведения выявляется при его интертекстуальном анализе. Первая часть рассказа обнаруживает обширные диалогические связи (цитирование, аллюзии, полемика) с научными и публицистическими текстами на русском языке, опубликованными в XVIII-первой трети XIX века, тюркоязычными рукописными и печатными памятниками, бытовавшими в Урало-Поволжском регионе в позапрошлом столетии, и многочисленными памятниками башкирского фольклора: топонимическими, этногенетическими и историческими преданиями и легендами, быличками, эпическими сказаниями-кубаирами из цикла «Урал батыр». К первой группе текстов, находящихся в диалогических отношениях с рассказом «Башкирская русалка» относятся исторические труды В.Н. Татищева, краеведческие работы П.И. Рычкова, второй том «Дневных записок» И.И. Лепёхина, некоторые другие исторические, географические и лингвистические труды XIX века. Во вторую группу текстов входят печатный таварих «Жизнь Джингиз-хана и Аксак-Тимура» и некоторые созвучные с ним башкирские родословные-шэжэрэ. К третьей группе относятся предания и легенды о примечательных объектах природы Башкортостана, а также эпосы «Акбузат», «Кара юрга» и, возможно, «Кунгыр буга». Таким образом, «Башкирская русалка» как сложный по составу, происхождению и структуре текст представляет собой вербальное воплощение русско-башкирского межкультурного диалога.

По причине сложной структуры исследуемого текста установление отношений оригинал-перевод возможно лишь в отношении его второй части, восходящей к башкирскому кубаиру «Заятуляк и Хыухылыу». В науке существуют разные мнения по данному вопросу, представляющие рассказ

«Башкирская русалка» либо как самостоятельное произведение по мотивам башкирского фольклора, либо как своеобразную переводную версию народного эпического памятника (версию В.И. Даля). Ряд авторов, прежде всего, русскоязычных, классифицирует произведение как оригинальное, «созданное на основе легенд и бытописания башкирского края» (Дорожкина 1998), «творческую обработку памятника башкирского устно-поэтического творчества» (Сарбаш 2012), «изложение башкирского предания» (Прокофьева, Прокофьева 2012), «авторскую обработку фольклорной легенды» (Матасова 2011). При данном подходе языковые, стилистические, жанровые и другие особенности текста-основы не учитываются, а проникшие в языковую ткань далевского произведения башкирские элементы воспринимаются как «художественные инкорпорации этнографического материала» (Сарбаш 2012) или средства, с помощью которого выстраивается образ рассказчика (Дорожкина 1998). Рассмотрение текста, созданного «на стыке» двух культур, с позиций только одной из них, как явствует из упомянутых статей, может быть плодотворным и результативным, однако, на наш взгляд, не позволяет извлечь из рассматриваемого текста всю культурно-значимую и культуроспецифичную информацию, осознанно или невольно заложенную автором-переводчиком. В башкирской и татарской фольклористике утвердилось мнение о рассказе «Башкирская русалка» как об особой версии башкирского эпоса «Заятуляк и Хыухылыу» (Сагитов 2009; Султангареева 2012 и др.). На наш взгляд, необходимо различать оригинальный текст, рассказанный на башкирском языке неизвестным сказителем В.И. Далю, ныне утраченный (собственно версию В.И. Даля), и созданный писателем переводной текст, то есть, вторую часть «Башкирской русалки». Различия между ними минимальны, однако легко обнаружимы. Соответственно, возможна и реконструкция оригинальной версии башкирского кубаира, не сводимая к обратному переводу на современный башкирский язык. Её осуществление не входит в задачи настоящего исследования, однако может быть произведено с опорой на нашу работу.

Основной особенностью «версии Владимира Даля» называется отсутствие стихотворных включений, характерных для всех вариантов башкирского кубаира «Заятуляк и Хыухылыу» и для башкирского народного эпоса в целом (Ахмадрахимова 2012; Фахрутдинова 2007 и др.). По нашему мнению, данная характеристика не является бесспорной: во-первых, писатель однозначно выразил своё отношение к переводу тюркоязычной поэзии на русский язык на страницах повести «Бикей и Мауляна»: «Язык Татарский так сжат, и самые слова так коротки и малосложны, что решительно нет возможности переводить песни их в меру, ограничиваясь теми же четырьмя стопами: смыслу, складу пожертвовал я мерой и рифмой». Следовательно,

перевод стихотворного оригинала, если таковой существовал, с сохранением его поэтической формы был для В.И. Даля невозможен. Во-вторых, в тексте присутствует фрагмент, который самим автором назван «пением русалки» и выделен с помощью знаков препинания. Данный отрывок, начинающийся со слов «Не лепите, пчёлки» и заканчивающийся словами «колыбели своей, Ачулы-озеру», находит соответствие в основной версии эпоса, где героиня также исполняет народную песню *оҫон көй*, однако определяется исследователями как осуществлённая писателем стилизация с использованием стилистических средств русского фольклора (Дорожкина 1998; Ахмадрахимова 2012 и др.). Тем не менее, по эстетическим особенностям приводимый В.И. Далем текст близок к произведениям в фольклорном жанре *сеңләү* – причитание невесты: в нём присутствуют традиционные мотивы прощания с родителями, соплеменниками и родными местами, жалобы на судьбу, заставляющую исполнительницу отправиться на чужбину. При этом те образы и обороты, которые относятся исследователями к элементам, заимствованным писателем из русского фольклора, обнаруживают близкие параллели в башкирских текстах. Так абзац «*Оглядывается красное солнышко с заката на восход прошлый, да не воротится; не видать вечерней заре зорюшки утренней! Оглядывайтесь, сестрицы, на свою зорюшку утреннюю – да не воротить вам её, не любоваться ею в другожды!*» – обнаруживает близость к *сеңләү*, записанному в 1964 году в деревне Идрисово Салаватского района Республики Башкортостан: «*Иртә лә тыуа шул көндәр, Кистә лә тыуыр шул көндәр. Ниңә йыламайһығыҙ, һеҙ ҡыҙҙар, Һеҙгә лә килер шул көндәр»* (И утром рождаются эти солнца (букв. дни), и вечером рождаются эти солнца. Почему вы не плачете, девушки? И для вас придут эти дни) (Фольклорный архив БашГУ). Другие части рассмотренного фрагмента также имеют однозначные параллели в современном башкирском устно-поэтическом творчестве.

Помимо этого, в тексте В.И. Даля присутствует ряд фрагментов, по своему синтаксису отличающихся от окружающих предложений и фраз, характерных для творчества автора. Если в других своих работах писатель стремится к использованию простых распространённых предложений с большим количеством однородных членов, сложноподчинённых предложений с одним-двумя придаточными или сложных синтаксических конструкций, построенных из сложноподчинённых, то в рассказе «Башкирская русалка» представлено несколько фрагментов, которые по своей синтаксической структуре, распространённости и сложности выделяются из основного текста. Это прежде всего высказывания, входящие в прямую речь персонажей: 1) *Пусти меня, о сын плоти! пусти; я живу*

спокойно и безмятежно в чертогах водных, пусти, ради себя самого; ты погубишь меня, но ты погубишь и себя! II) *Забирайте с собою лучших соколов моих, ястребов, кречетов и беркутов; бейте утицу перелётную, бейте куртлука, косача тетерева, напускайте беркута на лису и на волка.* Столь же сложные конструкции используются В.И. Далее при описании некоторых действий персонажей и их помощников: III) *Птица взмыла выше гусей перелётных, поджала машистые плеча, ринулась клубочком в стаю, стрелою ударилась вправо, потом влево, опять вправо, зубчатым молнием промелькнула, ныряя каждый раз серому гусю под левое крыло – и семь гусей сряду полетели кубарем на землю.*

В разных вариантах башкирского эпоса эти фрагменты являются стихотворными либо находятся на стыке стихотворного и прозаического текста: I) *Һыуҙа уҫкән һылыумын, Ер улына тиң түгел. Ебәр, ебәр сәсемде, Талықтырма көсөмдө! Атам илгә яу һалыр, Белен калһа эшеңде – Я красавица, выросшая в воде, Не ровня сыну земли. Отпусти, отпусти мои волосы, Не утомляй меня впустую. Отец мой войной пойдёт на (твою) страну, Если узнает твои дела!* (1). Если начало диалога у В.И. Даля совпадает с отрывком из цитированного варианта, записанного в 1921 году от Гали Магадиева из деревни Габдряш, то его конец дословно передаёт слова из основной версии эпоса: *Ебәрә күр, ер улы! Атам белһә, яу һалыр, Башыңа киәмәт һалыр – Отпусти, сын земли! Отец мой узнает, войну начнёт, Судный день на тебя падёт* (2).

II) Данное высказывание у В.И. Даля вложено в уста Самар-хана, однако в вариантах кубаира схожие слова в разных обстоятельствах произносит сам Заятуляк. В варианте, записанном от Рахили Телякаевой в Оренбургской области, он обращается к завистливым сыновьям богачей: у В.И. Даля вложено в уста Самар-хана, однако в вариантах кубаира схожие слова в разных обстоятельствах произносит сам Заятуляк. В варианте, записанном от Рахили Телякаевой в Оренбургской области, он обращается к завистливым сыновьям богачей: *Албыр бүре тиреһен Ала бирегеҙ, оңкоттар, Ялбыр юлбарыҫ тиреһен Ябына бирегеҙ, йолкоштар, Олпат айыу тиреһен Ауната бирегеҙ, мырқыҫтар, Каңғылдак каҙҙы алыгыҙ, Торколдак торнаны алыгыҙ, Сүрәгәй сумғыш, һуна өйрәк – Уны ла булһа алыгыҙ. – Шкуру докучливого волка Возьмите, обжоры, Шкурой косматого тигра Возьмите и укройте, оборванцы, Шкуру степенного медведя Возьмите и обваляйте, толстяки, Гогочущего гуся возьмите, Курлычащего журавля возьмите, Проворного нырка, утку-крякву – И её возьмите* (3). В основной версии эпоса Заятуляк произносит рассматриваемые слова в диалоге с Хыухылыу:

Бер тигәндә белә алған, Муйыны һонок һуна алған, Муйыны оҙон торна алған, Кош оскоро – сүрәгәй – Канат какмай шуны алған, Колагы миңле төлкө алған, Ауыҙы канлы бүре алған АК шоңкарҙан биҙәйем. – От понимающего с полуслова, От поймавшего крякву с разогнутой шеей, От быстройшую из птиц – чирка, – Не хлопнув крыльями, поймавшего, От поймавшего лису в родинками на ушах, От волка с кровавым ртом поймавшего Белого сокола откажусь (4).

III) Уның кошо һауаға атылған уҡ кеүек менеп китә лә, ялагай шикелле уйнап, торналарҙы, каҙҙарҙы, өйрәктәрҙе тибеп төшөрә баиланы, ти. Шулай итеп: Сәмәр хандың алты улы Сысқан, йомран алды, ти; Заятуләк атлы улы Каңғылдаттып каҙ алды, ти, Торколдаттып торна алды, ти, Быткылдаттып һуна алды, ти – Его птица поднялась в небо, как пущенная стрела, играя, как молния, начала бить журавлей, гусей и уток. Так что: Шесть сыновей Самар хана Поймали мышей и сусликов; Сын по имени Заятуляк Гогочущих гусей поймал, Курлычащих журавлей поймал, Лопочущих крякв поймал (5).

Четыре из пяти приведённых предложений на башкирском языке, с синтаксической точки зрения, представляют собой периоды (теҙем). Период в башкирском языке определяется как «своеобразная ритмико-мелодическая и синтаксическая конструкция, состоящая из одного простого предложения с однородными членами или из сложного предложения и раскрывающая одну целую тему. К ним примыкает использованная В.И. Далем конструкция: «О Зая-Туляк! Было время, когда я, услышав шум и топот, спешила схорониться в волнах Ачулы-куля и в объятиях верной стихии находила спасение, теперь ты щит и защита моя, и я надеюсь только на грудь твою! но, Зая-Туляк, ты меня не спасёшь на этот раз, а кроме тебя, у меня защиты нет», – не находящая прямых поэтических соответствий в фольклорных текстах, однако семантически близкая к традиционному эпическому периоду. Таким образом, В.И. Даль сохранил в своём произведении не только сюжетную и композиционную канву оригинального эпического памятника, но и некоторые черты его синтаксиса. Основываясь на приведённых выше данных, логично заключить, что в том тексте кубаира «Заятуляк и Хыухылыу», который лёг в основу рассказа «Башкирская русалка», поэтические элементы не только присутствовали, но и занимали больший объём, чем в современной основной версии памятника.

В ходе проведённого нами исследования были также выявлены факты семантического параллелизма между русским и башкирским текстами,

наблюдающиеся на всех уровнях языковых единиц, что позволяет однозначно квалифицировать вторую часть рассказа «Башкирская русалка» как перевод-пересказ, а также уточнить некоторые особенности оригинального эпического памятника.

В главе 3 **«Концептосфера рассказа В.И. Даля «Башкирская русалка»: лингвокультурологический аспект»** анализируются основные элементы концептосферы и языковой картины мира произведения: вербальные репрезентации концептов *пространство, время, человек, общество, концепты-мифологемы*.

В тексте рассказа «Башкирская русалка» представлены разные способы маркировки пространства. В.И. Даль активно использует наложение на него различных координатных сетей. Автор прибегает к терминам административно-территориального деления, характерного как для Российской империи в целом (разделение территории на губернии – уезды – волости), так и исключительно для Башкортостана в XVI-XIX веках. К номинациям последнего типа относятся номера кантонов – военно-территориальных единиц, на которые в 1798-1865 годах подразделялось Башкиро-Мещеряцкое, позднее – Башкирское войско, а также реликтовое уже во время написания «Башкирской русалки» разделение Исторического Башкортостана на дороги – административно-территориальные единицы, возникшие в Монгольской империи, сохранившиеся в Золотой Орде, а также Уфимской (до 1782-1798 годов) и Казанской (до 1708 года) провинциях Российской империи. В исследуемом произведении В.И. Даля культурной и этнической спецификой обладает и универсальный для Российской империи термин *волость* – округ сёл и деревень, состоящих под управлением одного головы или волостного старшины. В Башкортостане до 1865 года волость была не территориальным, а родоплеменным объединением, коллективным земельным собственником и вотчинником (Акманов 2007). Случаи подобной кодировки пространства в рассказе «Башкирская русалка»: 1) *земля эта... лежит в Белебейском уезде*; 2) *в 12-м башкирском кантоне есть место в 1800 квадратных вёрст*; 3) *на бывшей Ногайской дороге, в земле Бурзенской волости*. Случаи обозначения территории по административному принципу в данном произведении сводятся к трём приведённым нами примерам. Единично также употребление названия материка, служащее номинации не части света, а историко-культурного региона: *они зашли сюда в незапамятные времена из Средней Азии*. Более активны в рассматриваемом тексте координаты собственно географические, а именно расположение предметов по сторонам света: север и его сочетания упоминается в тексте 12, юг – 10, запад – 8, восток – 12 раз. При этом стороны света практически не упоминаются в тексте сами по себе, исключение составляет лишь *восток*,

олицетворяющий в метонимическом сочетании место восхода солнца и служащий передаче не столько пространственного, сколько временного значения: *заря занималась, восток алел*; а в метафорическом – мусульманскую цивилизацию: *объявили цветистой речью Востока*. В последнем случае пространственное обозначение *восток* приобретает антропоморфную характеристику – *речь*, выходя, по выражению В.К. Гака, за пределы пространства (Гак 1998).

Наиболее частотны в произведении В.И. Даля «Башкирская русалка» характеристики пространства через взаимоотношения между объектами, которые могут быть представлены: 1) географическими регионами: *в горной области Урала*; 2) этническими ареалами: *Башкирь; уводили себе оттуда, от племён чудских; в степь, на заклятых врагов их, на кайсаков*; 3) населёнными пунктами: *в 12-15 верстах от Вознесенского (г. Бекетова) завода; на севере, неподалёку, аул или зимовка Чапай; на юге: Барангул и Курьятмас*; 4) природными объектами (горами, пещерами, реками, озёрами и т.д.): *расселился от Уральского хребта до Яика, Большого Ика, Белой и Камы; на правом берегу Ак-Идыля, реки Белой; в полуверсте от озера уступ или увал и т.д.*; 5) частями географических и этнических ареалов, конкретных природных объектов: *в другом месте в Башкирии; южные башкиры; разбрёлся по отрогам и долинам Урала* и т.д.

Представленная в рассматриваемом нами тексте кодировка пространства с помощью точных цифровых обозначений длины, ширины, высоты, глубины и площади описываемых объектов способствует возникновению у читателя эффекта присутствия на месте событий, придаёт авторскому стилю энциклопедичность, однако не способствует возникновению у читателя полного и законченного представления о Башкирии или окрестностях озера Асылыкуль. Пространство в первой части рассказа остаётся мозаичным, «лоскутным». Такое его представление характерно для мифологического мышления, которое изображало пространство не в виде признакового континуума, а как совокупность отдельных объектов, в промежутках между которыми пространство как бы прерывается (Аминев, Ямаева 2009). Таким образом, сознательно или несознательно, В.И. Даль в первой части своего произведения сконструировал именно мифологическое пространство.

При этом в конструировании и номинации художественно-мифологического пространства в тексте В.И. Даля господствуют представления, характерные для башкирской языковой картины мира: художественное пространство у автора не является беспредельным в горизонтальной плоскости, каким его изображает русское языковое сознание, оно ограничено разного рода ориентирами и образует как бы пять концентрических окружностей: *человек – дом – регион – страна – мир*.

Данная схема полностью соответствует башкирскому представлению об идеальном пространстве как о круге. В тексте В.И. Даля пространство образует дополнительную (по сравнению с четырёхчастной моделью В.Г. Гака) окружность – регион (Башкортостан). Пространство в рассказе не является непрерывным: автор конструирует его с помощью называемых в тексте объектов, которые не образуют единой координатной сети, а также через соотнесение его с индивидуальным восприятием героев. Такое вербальное конструирование пространства также характерно для архаичного, мифологического сознания.

Выраженные в изучаемом произведении представления о времени в большей мере соответствуют национальной языковой картине мира русского народа. В тексте рассказа В.И. Даля «Башкирская русалка» лексема *время* и её производные употребляется 22 раза. Реликтом древнего представления о цикличности времени является использование данной лексемы во множественном числе, причём в описании отдалённых эпох и временных отрезков неясной протяжённости: *народ башкурт разделился с незапамятных времён на племена; кочевал в древние времена Самар-хан. Цикличность и множественность времени у автора ассоциируется с невозможностью его запомнить и точно обозначить: с незапамятных времён пошла к шайтану в кабалу. Представление о множественности времён выражено также в сочетаниях типа *было время, когда я; со времени Зая-Туляка; после того события или времени. Как и пространство, время в произведении обозначается событиями или людьми, которые его наполняют: вода течёт во время разлива озера; во время смут и возмущений. Данная лексема обозначает в произведении также конкретный момент: грудной голос вторит этому свисту в то же время. В одном случае лексемой обозначено грамматическое время: рассказывает вам башкир стихами или напеваает, вторя чибизге или кураю, в прошлом времени. Эта фраза является одним из старейших указаний на языковую форму башкирского эпоса: основное глагольное время, используемое в произведениях данного жанра – прошедшее неопределённое время, используемое для обозначения действий, участником и свидетелем которых говорящий не был, а также при рассказе о событиях, происходивших далеко в прошлом.**

В исследуемом нами тексте присутствует оппозиция *прошлое – настоящее*, причём прошлое ассоциируется с устным народным творчеством, прямым взаимодействием людей с природой и мифическими силами: *золотой век, как всюду, так и здесь, ушёл, промчался, – остались одни воспоминания. Прошлое маркируется в тексте также лексемами *когда-то, в те поры: жила когда-то прихотливая ундина; в Кандра-куле потонул когда-то конный башкир; в те поры рос лиственничный лес. Прошлое в тексте**

«Башкирской русалки» имеет два измерения: во-первых, это прошлое объективное, прошлое относительно самого автора и читателя, к которому он обращается: *такой воин на белой плотной малорослой лошади своей олицетворяет Средние века; вспоминать прошлое богатырское время.* Необходимо отметить, что отношение к прошлому, мифическому и историческому, в русской и башкирской культурах разительно отличается: если для менталитета русских характерна низкая оценка обозримого прошлого, исторического времени и как следствие его незначительная величина (Маслова 2005), то коллективная историческая память башкирского народа, напротив, очень длинна (Бердин 2007). Последнюю В.И. Даль охарактеризовал следующим образом: *«Они сосчитают вам по пальцам не только события от 1772 года по 1830 год, от Емельки Пугачёва и до мятежа в Польше, не забыв ни одной войны нашей, ни одного местного или общего для империи бедствия, но прихватят и ну пору такой старины, что после того события или времени во всех уездных городах нашей губернии раз по семи уже погорели все архивы».* Приведённая цитата является также единственным случаем, когда автор прибегает к точной датировке событий, однако и в данном фрагменте, и в остальных рассказах об историческом прошлом время высчитывается не по какой-либо определённой шкале, а по принципу так называемой живой хронологии, с помощью упоминаний об исторических деятелях: *просил у царя Иоанна Грозного защиты; её смотрели и описывали Рычков и Лепёхин; Самар-хан, один из сыновей Чингиса.* Во-вторых, в рассказе фигурирует также субъективное прошлое, отсчитываемое от разных событий в жизни героев второй части: *забудь прошлое, если можешь; прошлого не воротить, на дне озера уже по-прежнему жить не можешь – это миновалось, как сон.* Характерно, что в башкирском тексте эпоса героиня не требует от жениха забвения, вместо этого он перед спуском в озеро отрекается от родства и волшебных помощников-животных. Последние слова цитаты полностью укладываются в характерное для русского народа представление о прошлом как о чём-то бесполезном в настоящем, но при этом совпадают со словами из песни русалки в основном варианте кубаира: *Түләк менән бергә булган кәндәр Йо Коларза күргән төш кеүек – Дни, проведённые вместе с Туляком, – Как сон.*

На страницах рассказа широко представлено антропоцентрическое измерение времени: события, особенно во второй, переводной его части, располагаются не относительно календарной шкалы, а относительно друг друга и тех людей, с которыми они происходят: мать Заятуляка «плакала и тосковала по милой отчизне своей, *покуда не излила тоску и грусть свою в новое существо*»; «сыну моему Зая-Туляку, сказал он, *пора увидеть свет*»; в подводном царстве на течение времени указывают предложения *«вскоре*

приехал к кибитке алый всадник». Лексема *век*, использованная в предложении «сердце усохнет, коли сидеть *век свой* в это тюрьме», несёт традиционный для русской языковой картины мира смысл «срок жизни человека или годности предмета; продолжение земного бытия». Необходимо отметить, что в башкирском тексте эпоса антропоцентрическое измерение времени ещё более активно и реализуется в сочетаниях типа *байтаК Кына ваКыт – достаточно много времени, кун тә үтмәй – немного погода, күзен асын ебарһә – когда он открыл глаза*.

Выраженные в языке исследуемого текста представления о человеке универсальны для обеих взаимодействующих культур. В силу того, что одной из задач автора являлась этнографическая характеристика башкирского народа, основным критерием, на котором строятся описания людей в тексте, является их этническая принадлежность. Башкирский народ – главный предмет авторского интереса – характеризуется через концепты *кочевье, старина, батыр, племя*. Ряд концептов, встречающихся в тексте и мало характеризующих русскую культуру, на страницах произведения активизируется и приобретает дополнительные смыслы, связанные с реалиями Башкортостана.

Мифологическая картина мира, организованная автором посредством использования в тексте концептов-мифологем, в большей мере соответствует представлениям о сверхъестественных существах, необычных природных объектах и явлениях, сложившимся у башкирского народа, а также сочетает в себя образы и концепты, характерные для западноевропейских, восточнославянских, иранских народов, а также для арабо-мусульманской интернациональной культуры. Характерной особенностью рассказа является то, что мифологемы, используемые В.И. Далем, имеют различное происхождение: 1) западноевропейское и античное: *Ахилл, Ундина*; 2) славянское: *леший, русалка, водяной, оборотень*; 3) арабо-мусульманское: *джинн, шайтан*; 4) собственно башкирское: *Дью-пари*. Помимо названий воображаемых существ, мифологемы в тексте обозначают также мифические локусы: 1) *рай небесный*, 2) *жильё и царство могучего падишаха водяных*; 3) *прозрачное царство*; и представления о человеке: 1) *как заветную душу свою; веший дух русалки*.

Наиболее многочисленный класс сверхъестественных существ, представленных в рассказе В.И. Даля, – *дью-пари* (див и пери). Согласно «Толковому словарю живого великорусского языка, див – это «диво, чудо, невидаль, дивовище; зловеющая птица; вероятно пугач, филин». Специфической особенностью башкирских представлений о *пэри – пэрей* является их связь с ветром. С проникновением в среду башкир

мусульманской религии произошла контаминация представлений об этих существах между собой и с кораническими мифами о *джиннах – ен, духах, созданных Аллахом из бездымного огня и представляющих собой воздушные или огненные тела, способные принимать любые формы*. В силу нечёткости границ между названными выше категориями мифических существ в башкирском языке образовались устойчивые сочетания *ен-пәрей – джинн-пәри и дейеү-пәрей – див-пәри, дью-парий*. В рассказе В.И. Даля последний изображается как злой дух, принимающий образ человека, кошки, собаки и особенно барса и тигра; иногда у него грива бывает золотая, который в человеческом образе может быть ранен, как Ахилл, только в пятку. Перечисляя *леших и водяных*, В.И. Даль никак не конкретизирует особенности внешности и поведения этих существ, что не позволяет напрямую сопоставить их ни с *лешими* из восточнославянской мифологии – *существами, облачёнными в звериные шкуры, обладающими звериными атрибутами, умеющими изменять свой рост и перегоняющими стада животных с одного места на другое*, ни с духами *урман эйәһе – хозяин, покровитель леса, шүрәле – шурале, имеющими открытые подмышки, из которых виднеется сердце, и стопы, повёрнутые в обратную сторону* (Хисамитдинова 2010), *ярымтык – лесным духом, до смерти щекочущим непочтительных людей* (Руденко 1955). Писатель называет *русалок и водяных* по отдельности, по-видимому, указывая на различия между водными духами мужского и женского пола, которое прослеживается как в русских, так и в башкирских мифологических текстах. *Водяной* в восточнославянской мифологии – *злой дух, воплощающий водную стихию как отрицательное и опасное начала, изображаемый в виде старика опутанного тиной, с большой бородой и зелёными усами либо с отдельными звериными чертами*. В башкирской мифологии *һыу эйәһе – хозяин воды – представляется в виде царя, зрелого мужчины или старика (һыу атаһы – отец воды; һыу бабаһы – дед воды)*. *Русалки* в восточнославянской мифологии представляются вредоносными существами, в которых превращаются девушки-утопленницы; русалки изображались в виде красивых девушек с длинными распущенными зелёными волосами, имеющими возможность выходить из воды и перемещаться по земле в течение недели после церковного праздника Троицы (русальная неделя). Один раз В.И. Даль называет героиню *ундиной*. Лексема *ундина* происходит от латинского *волна*; этот образ встречается в мифологии многих народов Европы. Этих существ представляют в виде прекрасных девушек, иногда с рыбьими хвостами, выходящих на берег расчёсывать волосы и своим пением привлекающих людей в воду, где они либо гибнут, либо попадают в подводное царство. В представлениях башкирского народа женские водные духи могли быть подразделены на два

класса: *һыу инәһе* – мать воды и *һыу Кыҫы* – дочь воды. Последняя в заговорах изображается как девушка с серебряными зубами (Хисамитдинова 2010). Представления о жизни после смерти, рае, аде и душе нашли в рассказе «Башкирская русалка» крайне ограниченное представление: в предложениях «*Юная угасающая жизнь хватается за преждевременно отлетающую душу*» и «*Объявили цветистой речью Востока, что душа отца его, хана Самар-хана, воспарила по пути, указанному душами отошедших, в рай небесный великих праотцев*», – отражено представление о душе как о летающем живом существе, характерное для башкирской языковой картины мира. Данный фразеологизм является в то же время выражением древнеславянского представления о душе как о дыме и реликтом того времени, когда славянские народы сжигали тела умерших (Маслова 2005).

Особое место в языковой картине мира исследуемого нами текста играют слова, заимствованные из башкирского языка: топонимы, антропонимы и реалии-мифологемы. Они не только выполняют художественно-эстетическую функцию, но и имплицитно несут культурно-значимую информацию, выражая пространственные, исторические, мифологические, эстетические и нравственные представления башкирского народа, отражая его древние межъязыковые и межкультурные связи, а также связывая рассказ «Башкирская русалка» с другими текстами башкирской культуры.

В заключении представлены основные выводы и результаты проведённой работы, а также намечены перспективы возможного дальнейшего исследования (например, может быть произведён лингвокультурологический анализ всей лексики и фразеологии рассказа «Башкирская русалка», лингвокультурологический анализ исторических и переводных текстов по реализованной в данной диссертации схеме, составлен словарь «Мир “Башкирской русалки”»).

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Сайтбатталов, И.Р. Пространство в языковой картине мира М.-А. Чукури / И.Р. Сайтбатталов // Вестник Башкирского университета. – 2012. – № 3 (Т. 17, ч. I). – С. 1568-1569.

2. Сайтбатталов, И.Р. Концепт «ер» в поэтическом родословии М.-А. Чукури / И.Р. Сайтбатталов // Вестник Башкирского университета. – 2012. – № 3 (Т. 17, ч. I). – С. 1565-1567.

Статьи, опубликованные в других изданиях:

1. Сайтбатталов, И.Р. Язык и информационная картина мира / Фаткуллина Ф.Г., Сайтбатталов И.Р. // Актуальные проблемы лингвистики и преподавания языков в вузе: материалы Междунар. науч.-метод. конф. (Уфа, 16-18 октября 2008 г.). – Уфа: ФГОУ ВПО «Башкирский ГАУ», 2008. – С. 156-159.

2. Сайтбатталов, И.Р. Лингвокультурологический анализ статьи Г. Тукая «Их превосходительство граф Лев Толстой пишет...» / И.Р. Сайтбатталов // Система языка: синхрония и диахрония: межвуз. сб. науч. ст. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. – С. 273-277.

3. Сайтбатталов, И.Р. Массовое сознание, коммуникативная стратегия и информационная картина СМИ Республики Башкортостан / И.Р. Сайтбатталов // Современные проблемы литературоведения и лингвистики глазами молодых учёных: межвуз. сб. Вып. 2 / отв. ред. О.П. Касимова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. – С. 176-179.

4. Сайтбатталов, И.Р. Язык и информационная картина СМИ Республики Башкортостан как средство воздействия на массовое сознание / И.Р. Сайтбатталов // Актуальные проблемы русской речи начала XXI века: материалы Междунар. науч. студ. конф. (Самара, 8 апреля 2010 г.) / Под ред. Е.Н. Шереметьева. – Самара: Самарский ин-т (филиал) РГТЭУ, 2010. – С. 44-46.

5. Сайтбатталов, И.Р. Язык молодёжных газет Республики Башкортостан: культурологический аспект / И.Р. Сайтбатталов // Средства массовой информации в современном мире: молодые исследователи: материалы X Междунар. конф. студентов и аспирантов (Санкт-Петербург, 3-5 марта 2011 г.) / Под ред. Б.Я. Мисонжникова; сост. О.А. Никитина. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2011. – С. 176-177.

6. Сайтбатталов, И.Р. Концепт ер – земля в стихотворном родословии М.-А. Чукури / И.Р. Сайтбатталов // «Занкиевские чтения»: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (Тобольск, 6-7 апреля 2012 г.). – Тобольск: ТГСПА им. Д.И. Менделеева, 2012. – С. 110-112.

7. Сайтбатталов, И.Р. Концепт «земля» в произведениях В.И. Даля и М.-А. Чукури об истории Башкортостана / И.Р. Сайтбатталов // VI Кирилло-Мефодиевские чтения: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Уфа: Изд-во Уфимского филиала ФГБОУ ВПО «МГГУ им. М.А. Шолохова», 2012. – С. 167-173

8. Сайтбатталов, И.Р. Проблема соотношения оригинального и переводного в произведении «Башкирская русалка» В.И. Даля: лингвостилистический аспект / И.Р. Сайтбатталов // Материалы Международной научно-методической конференции «Межкультурная ↔ Интракультурная коммуникация: теория и практика обучения». – Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. – С. 345-352.

Сайтбатталов Искандер Расулевич

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В.И. ДАЛЯ О
БАШКОРТОСТАНЕ**

(на материале рассказа «Башкирская русалка»)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 021319 от 05.01.99 г.

Подписано в печать 22. 11. 2013 г.
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 1,4. Уч.-изд. л. 1,7.
Тираж 100 экз. Заказ 602.

*Редакционно-издательский центр
Башкирского государственного университета
450074, РБ, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.*

*Отпечатано на множительном участке
Башкирского государственного университета
450074, РБ, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.*